

СТАТЬИ АСПИРАНТОВ

Е. Н. БЛОХИНА

(Московский педагогический государственный университет)

РЕГИОНЫ ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ КАК ОБЪЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕЙ БАВАРИИ И ТИРОЛЯ)

Лингвокультурологические аспекты русского языка, активно исследуемые отечественными учеными в течение последних десятилетий (Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, О. Н. Иванищева, В. В. Красных, В. М. Мокиенко и мн. др.), открывают новое видение механизмов взаимодействия языка и культуры, процессов аккумуляции и трансляции культурной информации, объема и структуры значения лексических единиц. Достигнутые результаты вдохновляют лингвистов на поиск аналогичных путей изучения других языков, в том числе и немецкого. Проблемы, обнаруживающиеся при простой экстраполяции определенных теорий, вскрывают глубинные культурные различия не только между русским и немецким языком, но и в границах самого немецкоязычного пространства, что свидетельствует об актуальности сужения объекта исследования от национального языка до региональных диалектов.

Рассмотрим кратко основные положения теории прецедентности, изложенные в теоретической части словаря «Русское культурное пространство» [Захаренко, Красных, Гудков 2004]. Для описания функционирования в современном русском языке определенных культурных феноменов используются ключевые понятия *когнитивная база* и *культурное пространство* (русское), которые противопоставляются в следующем соотношении: если называть культурным пространством «...все многообразие знаний и представлений носителей языка ...то когнитивная база — это лишь “качественно редуцированный” вариант некоторого списка феноменов» [Там же: 11]. Не всякий культурный феномен поддается «качественной редукции». Стереотипу, например, просто следуют. Но такие явления, как литературное произведение, значимое событие, неординарная личность и др., называемые учеными *прецедентными феноменами*, всегда подвергаются оценке, осмыслению, выбору из них самых существенных свойств и созданию в массовом сознании моделей, замещающих оригинал. И именно механизм качественной и количественной редукции какого-либо явления определяет различия между культурами.

Получаемые в результате модели одного и того же явления, именуемые *инвариантами восприятия*, которые находятся в когнитивных базах различных культурных пространств, нередко существенно отличаются друг от друга. Они же формируют специфику содержания одних и тех же ключевых концептов в разных культурах.

В теории российских ученых обращает на себя внимание факт выявления взаимосвязи между блоками хранения культурной информации на национальном уровне: русский язык — русское культурное пространство — русская когнитивная база. Пытаясь представить подобную структуру для немецкого культурного пространства, нельзя не вспомнить хорошо известные слова М. В. Ломоносова о неоднородности немецкого языка: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа» [Ломоносов 1986: 473]. Лингвокультурная составляющая такой неоднородности является наименее изученной; при этом словарный состав различных немецких диалектов свидетельствует о различиях в восприятии их носителями окружающей действительности. Приведём лишь несколько примеров из словаря среднебаварского диалекта [Ringseis 2009] и его русскоязычной версии [Корр 2009]: кудрявые, закрученные волосы сравниваются с улиткой — *Schneckerl*; куриное яйцо видится как причина и результат кудахтанья — *Gackerl*; минеральная вода с газом называется «прыгающей» — *hupfads/hüpfendes Wasser*; мышцы сравниваются с прядями льна — *Flaxn, Flachsn*; а нервное состояние — с надоеданием осы — *wepsi/wespig*; и, таким же образом, еще более четырех сотен фрагментов реальности, увиденных в отличном от заданного литературным немецким языком ракурсе.

Очевидно, что различия в языковой/диалектной картине мира имеют прямую связь с механизмами «качественной редукции» прецедентных феноменов. Наличие в границах немецкого языка нескольких специфичных региональных языковых вариантов позволяет предположить, что немецкая когнитивная база является совокупностью нескольких региональных, частично пересекающихся в одном общем центре. Для всех носителей немецкого языка эта центральная часть является той общей базой культурных знаний, которая «предопределяет адекватность их общения» [Захаренко, Красных, Гудков 2004: 11]. Главным источником ее пополнения является, по нашему мнению, система государственного образования. В преподавании немецкого языка как иностранного эта база данных также является очень важной: объясняя обучающимся смысл общепринятого инварианта восприятия того или иного прецедентного феномена, их всегда направляют по установленному немецкой культурой шаблону.

Элементы, находящиеся на периферии немецкой когнитивной базы, не попали в «центр» по ряду причин: тексты, не переведенные на литературный немецкий язык, оставались доступными лишь носителям диалекта; события и личности, сыгравшие значительную роль в истории одного региона, никоим образом не затрагивали соседние территории; различные экономические и политические условия формировали собственные ценностные приоритеты в каждом регионе. Однако в XXI в., в эпоху распространения единого информационного пространства, активной миграции, расширения международных контактов и доступности иноязычной массовой литературы, они не могут продолжать оставаться незамеченными. Ведь одним из ключевых признаков прецедентных феноменов является то, что «обращение (апелляция) к ним постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества» [Там же: 16]. Потребность в такой апелляции обусловлена, на наш взгляд, среди прочего и стремлением к лингвистической экономии: одним-единственным словом/именем можно обозначить целый спектр смыслов, содержащийся в инварианте восприятия прецедентного феномена.

Рассмотрим три примера из текстов современных авторов верхнебаварского происхождения, написанных на литературном немецком языке и адресованных массовому читателю:

„Motte hätte wesentlich mehr verdienen können, aber er war ein faules Stück. Er war der **Oblomow** unter den Crackern“ [Mauer 2016: 46];

„Er hielt inne, hob seine Hände in die Luft und betrachtete sie... Er hatte die klobigen Greifer seines blöden Vaters geerbt, plump, unregelmäßig geformt, von hässlichen Adern durchzogen. Aber sobald die Greifmonster auf der Tastatur tanzten, verwandelten sie sich in zehn **Rudolf Nurijews**“ [Mauer 2016: 158];

„Der kleine Kapellenraum beherbergt über 90 Engelsfiguren und eine reich verzierte Madonna. Darüber spannt sich ein dunkelblaues Gewölbe, ein barocker Sternenhimmel und es fehlt eigentlich nur noch der **Brandner Kasper**, der herunterzwickert und sagt: ‚Keine Angst, es ist schon schön da heroben‘“ [Hubert 2013: 85].

Через систему образования в ядро немецкой национальной когнитивной базы попадают редуцированные образы культурных феноменов мирового уровня, в частности, наши соотечественники. Мы безошибочно понимаем, что герой, сравниваемый с Обломовым, — не просто лентяй, а человек образованный, не глупый, с определенным социальным статусом. Мы также понимаем, что, когда его бесформенные некрасивые пальцы превращаются на компьютерной клавиатуре в десять Рудольфов Нуриевых, они становятся виртуозами, не знающими себе равных. А вот объяснить смысл употребления третьего имени, Бранднер Каспер, героя литературного произведения, не входящего в содержание программ обязательного образования, смогут далеко не все представители немецкоязычной культуры,

не говоря уже о русскоязычных читателях. При этом у носителей среднебаварского диалекта, в частности жителей Верхней Баварии и австрийского Тироля, такая задача не вызовет ни малейшего затруднения.

Остановимся подробнее на данном примере и покажем его «вклад» в содержание определенных культурных концептов, а также различие культурных компонентов семантики имени Бранднер Каспер/Каспар (*Brandner Kasper/Kaspar*) у носителей общего диалекта (среднебаварского) в разных национальных государствах (Германии и Австрии).

Бранднер Каспер «родился» в рассказе, написанном профессором мюнхенского университета Францем фон Кобеллем в 1871 г., но в массовом сознании на региональном уровне в Верхней Баварии его история скорее ассоциируется с инвариантом, созданным потомком писателя, Куртом Вильгельмом, в форме театральной пьесы [Wilhelm 2009]. Оригинальный рассказ, довольно короткий и незамысловатый, повествует о старом охотнике и слесаре Каспере, который очень любит свою нелегкую жизнь и свою малую родину, Тегернзее. Он не торопится покидать землю и пытается хитростью продлить отведенное ему время. Щедро накормив и напоив крепкой настойкой замерзшую и голодную смерть, он выигрывает у нее в карты дополнительные 18 лет жизни. Но смерть в итоге оказывается хитрее. Она убеждает Каспера совершить вместе с ней прогулочную поездку на небеса, взглянуть издали на то, как там «живут» другие, и выбрать самому, где остаться. Райская картина приводит главного героя в такой восторг, что он охотно соглашается поменять земную жизнь на небесную.

Версия Курта Вильгельма «обросла» множеством подробностей, в том числе серьезных и далеко не веселых. Но инвариант его интерпретации в баварской когнитивной базе интересен тем, что из всего философского, трагического и комического в истории главным было выбрано комическое. Жанр пьесы в афишах и анонсах баварских театров определяется как *Komödie*. Отчасти это объясняется характером другого главного героя истории — Бонлкрамера (*Boanlkramer*), смерти. Вызывающий улыбку образ, созданный в оригинальном рассказе, получает в пьесе новые возможности проявить свое остроумие и изобретательность. «Классическое», если можно так выразиться, содержание концепта *Tod/смерть* в немецкой культуре, получаемое нами, опять же, в процессе образования, восходит к средневековым образам. Это призванные внушать страх и трепет *der Knochenmann mit der Sense, der Sensemann, der Schwarze Bauer mit der Sense, der schwarze Tod (Pest), Freund Hein mit der Hippe*. Они подробно описаны в словарях и учебных пособиях и не нуждаются в пояснении, в то время как *Boanlkramer/Бонлкрамер* являет собою нечто совершенно неожиданное. А. Швайггерт пишет о нем следующее: «Кто такой Бонлкрамер? Как следует из имени, — коробейник, мелкий торговец-разносчик. Он

всего лишь слуга Бога, который выполняет приказы своего господина. При этом он должен быть искусным и дипломатичным, иначе за ним никто не последует... С ним можно поторговаться, и даже что-то выторговать... При встрече с ним баварец больше удивляется, чем пугается. Его внешний вид вызывает скорее сочувствие, чем ужас... Он никогда не вторгается в дом баварца без разрешения: вначале стучит, застенчиво извиняется, обстоятельно объясняет причину своего появления и просит войти в его положение. Смущенно улыбается и вежливо приглашает в свою карету, совершить путешествие в иной мир... Он никогда не забирает баварца силой. Баварец сам позволяет ему себя увезти» (здесь и далее перевод автора. — Е. Б.) [Schweigert 1988: 45]. Франц фон Кобелль, сам страстный охотник, ввел в обиход такой образ смерти, какой бы ее хотел видеть каждый настоящий охотник, егерь (Weidmann), чья жизнь наполнена выстрелами, риском и смертельными опасностями, таящимися в горах. Но если проследить за развитием значения слова *Boanlkramer* в баварском диалекте, то нельзя не заметить, как сильно оно расширилось: от имени литературного персонажа до регионального компонента содержания концепта *Tod/смерть*. В настоящее время слово используется как знак смерти в самых различных контекстах, в том числе совершенно не связанных ни с историей про Бранднера, ни с охотничьей средой. Литературный персонаж Бонлкрамер (*Boanlkramer*) приобрел статус регионального достояния, и даже в некотором роде предмета гордости. В современном массовом дискурсе его называют добродушным, трогательным, остроумным существом, с которым не страшно умирать. Подробно об этом мы писали, в частности, см. [Блохина 2015].

Культурная значимость рассказа про Бранднера Каспара заключается не только в появлении в нем нового нетипичного образа смерти. Интерпретации истории прочно ассоциируются с отражением в них исторического противоречия в эмоционально-оценочной части концепта *Wilderei/Браконьерство*. В баварской версии Курта Вильгельма отчетливо проявляется содержание, резко отличное от общепринятого осуждения незаконной охоты. Главные герои истории, на чьей стороне находятся симпатии читателей и зрителей, сами занимают преступным, с точки зрения закона, промыслом. Более того, в одной из сцен, где решается, достоин ли Каспер, грешивший браконьерством, попасть в рай, слуги Господа на небесах выносят следующий вердикт: „Wuidern guit hier nix... Bei uns derf ma jagen. Des kannst doch am Bayern net nehma“/ «Браконьерство здесь (в раю) не считается (грехом). У нас можно охотиться. Никто не может отнять этого у баварца» [Wilhelm 2009: 157]. Используемые в истории слова для наименования браконьеров нейтральны: *Wilderer, Wildschütz*.

Еще одна не менее популярная версия истории базируется на интерпретации австрийского автора Антона Мали [Maly 1953]. Во многом похожий на своего баварского «двойника», австрийский Каспер

тем не менее — совершенно другой человек. Это законопослушный крестьянин, состоящий на охотничьей службе и крайне негативно относящийся ко всему, что связано с браконьерством. Очень показательна характеристика одного из действующих лиц: „Haggenbichler Sepp, ein Wilderer und auch sonst ein ganz übler Mensch“ / «Хаггенбильхер Зепп, браконьер и вообще очень плохой человек», а также слова, которыми автор называет браконьеров: *Raubschütz, Wilddieb*.

В данном парадоксе отражено историческое, беспрецедентное противостояние между охотниками и браконьерами в альпийском регионе, которое восходит ко времени правления Марии-Терезии. Браконьерство никогда не было присуще лишь какой-то определенной нации; оно существовало всегда и везде и появилось в ответ на лишение народа естественного права добывать себе пищу у природы, когда охота в одночасье была объявлена привилегией знати. Однако, как неоднократно отмечалось многими исследователями, по количеству связанных с браконьерством трагедий и унесенных жизней маленькая территориальная полоса, проходящая по границе между Верхней Баварией и Тиродем, не знает себе равных. Верхняя Бавария являлась излюбленным местом охоты баварских монархов. Проживающим там крестьянам строго запрещалось не только охотиться, но даже ограждать свои грядки и сады от откармливаемой для короля и его окружения дичи. В соседнем австрийском Тироле действовали другие законы, во многом учитывающие интересы крестьян. Существовало несколько способов получения права на охоту, в том числе и наследуемого: от административной раздачи в аренду охотничьих угодий крестьянским общинам, введенной Марией-Терезией, до персональных наград за верность и доблесть в войнах против баварцев в более поздний период. Вопросы, связанные с охотой, регулировались законодательством, которое учитывало как экономические, так и политические аспекты, восходящие к соперничеству двух монаршеских династий, Виттельсбахов и Габсбургов. Уникальность ситуации в Верхней Баварии состояла в том, что к традиционному противостоянию между охотниками на службе у государства и браконьерами добавлялась третья противоборствующая сторона — чужие браконьеры. Когда крестьяне в австрийском Тироле на законных основаниях отстреливали в своих лесах все живое до опустошения, многие из них решали вопрос добычи дичи старым проверенным способом. В шаговой доступности соседские леса буквально кишели откармливаемыми дикими животными, поэтому соблазн был непреодолимым. Оставаясь законопослушными гражданами своей страны, тирольские браконьеры без труда пересекали границу, охотились и быстро возвращались с добычей на территорию Австрии. Последствия их нашествий ложились бременем на местных крестьян и браконьеров.

В истории Тироля и Баварии трудно найти тему, о которой бы было написано больше, чем о браконьерстве. В частности, в рабо-

тах австрийского социолога и культуроантрополога Р. Гиртлера [Girtler 2003], верхнебаварского писателя профессора А. Швайггера [Schweigert 2014] и др. красной нитью проходит мысль о том, что общепринятое объяснение слова *Wildern* как «запрещенная охота» не отражает тех смыслов, которое оно приобрело в альпийском регионе. Говоря о содержании концепта *Wilderei/Браконьерство*, можно с уверенностью утверждать, что на данной территории оно имеет дополнительный компонент значения, который можно сформулировать как «форма социального протеста».

Зародившаяся в тот исторический период волна народного гнева и стремления к справедливости во многом объясняет ореол романтичности, сложившийся вокруг австро-баварского содержания концепта *Wilderei/Браконьерство*. Баварские народные герои, пришедшие из тех времен, — это, как правило, не служители закона, а представители противоположной стороны. Показательным примером является Gírgl Jennerwein/Гиргль (Георг) Йеннервайн, легендарный браконьер, личность отнюдь не идеальная, но убитая охотником нечестным, некрасивым образом, а потому ставшая символом жертвы произвола со стороны служителей закона. Путеводитель по Баварии даже предлагает экскурсионные маршруты по следам знаменитых баварских браконьеров и охотников, где могиле Йеннервайна, на которой круглый год лежат свежие цветы, уделено особое внимание [Klaus 2008: 17].

Таким образом, баварский Бранднер Каспар является личностью, символизирующей определенную эпоху в истории Верхней Баварии, а его имя можно рассматривать как собирательное, объединяющее целую плеяду браконьеров, включая Йеннервайна, получивших в народе статус особых героев, которым можно многое простить. Его ближайший «двойник», Бранднер Каспер, как элемент австрийской когнитивной базы, лишен этих дополнительных смыслов и олицетворяет собою противоположную сторону исторического конфликта.

Лингвокультурология, как известно, призвана заниматься не исторической ретроспективой, а извлечением актуальной культурно значимой информации из образов. Мы можем с уверенностью утверждать, что культурные смыслы, заложенные в прецедентном имени Бранднер Каспар/Каспер (*Brandner Kasper/Kaspar*), не устаревают и продолжают транслироваться последующему поколению. Прежде всего, трудно переоценить воспитательную роль самой театральной пьесы про Бранднера, если учесть, что ее просмотр является одной из самых прочных семейных традиций в Верхней Баварии в период празднования дня всех святых. Но существуют и другие каналы трансляции.

Современный немецкий писатель Jörg Maurer/Йорг Маурер, уроженец Гармиш-Партенкирхена, создал и продолжает создавать серию детективов, которая получила высокую оценку критиков и

пользуется огромной популярностью. Средства массовой информации рекомендуют ее для обязательного прочтения, не проводя особо каких-либо исторических аналогий. Но, если внимательно приглядеться к именам героев и сюжету, нельзя не заметить в них сигнала, отсылающего к описанным выше смыслам. Главное действующее лицо в этих криминальных историях — комиссар полиции по фамилии Jennerwein/Йеннервайн. Символичны не только его фамилия, внешность и характер, но и имя — Hubertus/Хубертус. Святой, покровитель охотников, и легендарный браконьер в одном лице. Полиция как символ законности и справедливости и преступники, которые не всегда намеренно становятся таковыми. И смерть как неизменный атрибут профессии полицейского, нескрываемая, незамаскированная, заявляющая о себе в самих названиях книг: „Schwindelfrei ist nur der Tod“ [Mauer 2016/2], „Der Tod greift nicht daneben“ [Mauer 2016/1], „Im Grab schaust du nach oben“ [Mauer 2017]. В другой эпохе, в другой профессиональной среде, но все в тех же баварских Альпах мы имеем тех же «охотников», «браконьеров» и неизменно сопровождающую их смерть.

В заключение вернемся к примеру, с которого мы начали. Как уже было сказано, носители баварского диалекта, а также те, кто знаком с историей и культурой Баварии, безошибочно поймут, почему автору во время нахождения в красивой капелле приходит в голову имя Бранднер Каспер. Инвариант истории про старого охотника, как было отмечено в кратком содержании, имеет еще одну важную сюжетную линию. Бранднер очень долго всеми силами стремился оттянуть знакомство с раем. Но, когда он туда попал, ему больше не захотелось его покидать. *Бранднер Каспар/Каспер* имеет, таким образом, еще одно значение: гарантию безопасности, умиротворения, полного счастья. Эту ассоциативную связь имени с райским местом, из которого не захочется уходить, нередко используют в наименованиях баварских трактиров и ресторанов.

Итак, в одном-единственном прецедентном имени верхнебаварского происхождения мы показали наличие составляющих всех ключевых аспектов современных лингвокультурологических исследований. Можно лишь догадываться, сколько открытий таят в себе другие неизученные прецедентные феномены, не входящие в немецкую национальную когнитивную базу. Хочется также выразить надежду, что все они когда-нибудь попадут в поле зрения ученых и существенно обогатят наши знания о немецкоязычном мире.

Литература

Блохина 2015 — Блохина Е. Н. О лингвокультурологическом подходе к изучению прецедентных текстов как феноменов региональной культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2015. С. 26—28.

- Захаренко, Красных, Гудков 2004 — *Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б.* Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004.
- Ломоносов 1986 — *Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986.
- Girtler 2003 — *Girtler R.* Wilderer. Rebellen in den Bergen. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2003.
- Hubert 2013 — *Hubert G.* Feste. Vom Aperschnalzen bis zum Schlappentag. 2013.
- Klaus 2008 — *Klaus M. A.* Jennerwein und der schöne Toni. 16 Wanderungen auf den Spuren bayerischer Wildschützen und Jäger. München: Süddeutsche Zeitung Edition, 2008.
- Kopp 2009 — *Kopp V.* Bayerisch-Russisches Wörterbuch. Dachau: Druckerei und Verlagsanstalt „Bayerland“ GmbH, 2009.
- Maly 1953 — *Maly A.* Der Brandner Kasper. Roman aus Tegernseer Bergen. München: Verlag Josef Berg, 1953.
- Maurer 2016/1 — *Mauer J.* Der Tod greift nicht daneben. Alpenkrimi. Frankfurt am Main: FISCHER Taschenbuch, 2016.
- Maurer 2017 — *Mauer J.* Im Grab schaust du nach oben. Alpenkrimi. Frankfurt am Main: FISCHER Taschenbuch, 2017.
- Maurer 2016/2 — *Mauer J.* Schwindelfrei ist nur der Tod. Alpenkrimi. Frankfurt am Main: FISCHER Taschenbuch, 2016.
- Ringseis 2009 — *Ringseis F.* Ringseis' Bayerisches Wörterbuch. Wortschatz — Worterklärung — Wortschreibung. Dachau: Druckerei und Verlagsanstalt „Bayerland“ GmbH, 2009 (3. Auflage).
- Schweiggert 2014 — *Schweiggert A.* Wilderer und Wildschützen in Bayern. Männer der Wildnis, Rebellen, Volkshelden. Dachau: Druckerei und Verlagsanstalt „Bayerland“ GmbH, 2014 (2. Auflage).
- Schweiggert 1988 — *Schweiggert A.* Wunderwesen zwischen Spessart und Karwendel in Brauchtum, Sage, Märchen. Weilheim: Stöppel-Verlag, 1988.
- Wilhelm 2009 — *Wilhelm K.* Der Brandner Kaspar und das ewig' Leben. Rosenheim: Rosenheimer Verlagshaus GmbH, 2009.

ZUSAMMENFASSUNG

Regionen Deutschlands und Österreichs als Objekte einer linguistischen und kulturwissenschaftlichen Analyse (am Beispiel von Oberbayern und Tirol)

In der modernen Medienwelt, wo elektronische Informationsmittel eine der führenden Positionen besetzen, spielen Landesgrenzen keine große Rolle mehr: jeder Text ist dem Leser weltweit zugänglich. Zwar

ist die Standardsprache das universale Mittel der Kommunikation geworden, ist ein Treffen mit der kulturell markierten dialektalen Lexik nicht immer zu vermeiden. Wegen der vielen zusätzlichen konnotativen Bedeutungen wird sie oft absichtlich für Sprachökonomie verwendet. Für die Nicht-Träger des Dialektes ist es am schwierigsten, die lexikalischen Einheiten zu verstehen, die aus dem Bereich Präzedenzphänomene stammen. Und am interessantesten sind die Fälle, wo innerhalb eines Dialektes bei einem Wort in verschiedenen Ländern diverse kulturelle Bedeutungen entstehen.